

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
ДАЛЬНИЙ КРУГ. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

О ЛИЧНОСТНОМ, ВНЕ- И ОКОЛОЛИЧНОСТНОМ
СПОСОБАХ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

В.И. Слободчиков

В вопросе о «полноте образования человека» начну с простого *гамлетовского* вопроса: **«*быть или не быть*» человеку человеком?** Или согласиться стать *пост-человеком*, которого пророчат нам **нано-, био-, инфо-, когито-, социо-** (НБИКС) технологии в ближайшем будущем? И если нам ещё не расхотелось оставаться человеком, тогда главный вопрос: а что же является **центральным** в самой человеческой реальности, что составляет её **квинтэссенцию**? И ещё: **Кто** же **«удерживает»** человеческое в человеке – его целостность и духовную определённую во множестве обстоятельств и обстоятельств жизни? Ответ на этот вопрос необходимо искать, видимо, не столько в классической философии и традиционной психологии, сколько в святоотеческом богословии, конкретно **в христианской антропологии**.

Нам, психологам, надо бы честно признаться, что большое число категорий современной психологии не принадлежат собственно ей. Как правило, они заимствованы из других систем знаний: из богословия, философии, естественных наук и даже из житейского опыта, где они вполне уместны и по своему происхождению, и по своему функциональному назначению. Уместен ли их механический перенос в психологию? Хорошо ли это? Почему своих слов не хватает?

Современный этап развития психологической науки именуется как *постнеклассический*, а саму психологию

называют **антропной наукой**. И именно в пространстве такой науки впервые появилась возможность обсуждать языком психологии такие вовсе не психологические реалии как *субъектность, личность, ипостась, сознание, рефлексия, совесть, индивидуальный дух* и др. Иными словами, тот набор категорий, который сложился в философской и христианской антропологии, и с помощью которых появляется возможным обсуждать главную для нас реальность – *человеческое в человеке*.

Сегодня, наконец-то, происходит достаточно серьёзная, пока правда, осторожная встреча христианской и человеко-ориентированной психолого-педагогической антропологии. И место такой встречи, на мой взгляд – это **личностный модус** (способ, образ) бытия человека. Современная христианская антропология признаёт, что именно категория **«ЛИЧНОСТЬ»**, которая утвердилась и в философии, и в психологии, и в педагогике, в наибольшей степени сближается с её представлением о самом главном – *«о собственно человеческом в человеке»*.

Казалось бы, это создаёт весьма благоприятные условия для их продуктивного взаимодействия. И из христианской, и из светско-гуманистической систем ценностей мы, наконец-то, можем обрести согласованный, взаимоприемлемый, хотя бы по наименованию, **образ** полного, подлинного **человека**. Ну, а далее, во всех социо-культурных практиках, можно с лёгкостью использовать такое сладкое имя «личность», которое гарантирует каждому из нас лично «моё» человеческое достоинство. Так ли это?

Проблема в том, что в сложившихся гуманитарных науках за словечком «личность» скрывается множество разноречивых толкований. Это и системное психологическое качество человека, и структура психо-биологических свойств индивида, и социально-деятельностные характеристики субъекта, а все вместе они определяются и из-

меняются в результате адаптации **человеческой особи** к постоянно меняющейся био-социо-культурной среде. В рамках таких подходов оказывается, что «личность» – это просто **удобный термин** для обозначения сборки уникальной структуры всех мыслимых и немыслимых свойств и особенностей конкретного, отдельного **индивида**, которые возникают и складываются по мере его **созревания и социализации**.

И самое поразительное, что за малыми различиями «личность» так и понимается. И в психологических теориях и школах западного (Г. Олпорт, К. Левин, Дж. Гилфорд, А. Маслоу и др.), так и отечественного толка (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович, А.В. Петровский, Е.В. Шорохова и др.) Так, где же личность, кем или чем она является? Кто она? Субъект или атрибут? Некая целостность или частичность человеческой природы? Она коллекция определённых качеств или «сверхчувственное качество»? Она иллюзорная оболочка (по буддистки – *майя*) сущности человека, некий психологический инструмент или подлинный центр его жизни? Возможно ли вообще научными категориями определить личность? Не ускользает ли личность из тисков ограниченных, конечных философских и психологических понятий?

Известно, что в греческом, а позднее и в римском театре, именем *persona* (личность – в западной гуманитарной культуре) называли маску, которую надевали актёры. Позднее это слово стало названием исполняемой роли (царя, воина, раба). В конце концов, оба значения слились в одно, и *persona* стала уже не обманчивой наружностью актёра, но самим актёром. Постепенно термин *persona* приобрёл социально-юридический статус, им стали обозначать свободного человека, субъекта прав и обязанностей в римском обществе. Рабы не были персонной, и хозяин мог распоряжаться ими как вещами или

домашними животными. Не были личностями и варвары – люди, чуждые Римской империи, не имеющие римского гражданства. **Личность в западном восприятии – это, прежде всего, субъект социальных отношений.** И если он не вступал ни с кем в такие отношения, то с точки зрения западного восприятия он – *не личность*.

В русском языке слово «личность» происходит от однокоренных слов «лик», «лицо», имеющих древнее происхождение. Корень *лик* имеет значение *образ* (неповторимый, уникальный), *икона*¹ (греч. εἰκών). По мнению авторов авторитетнейшего «Этимологического словаря славянских языков», работу над которым начал академик О.Н. Трубачёв, «исходным для слав. *lĭkъ, *lĭse «формовать литьем», а само это название лица, образа, облика соответственно произведено от глагола *liti с помощью суффикса -k-; отсюда, возможно, выражение «вылитый отец»². Поэтому традиционно в нашем языке под словом «лицо» всегда подразумевалось то внутреннее начало, которое оно выражает. *Лицо можно потерять, превратив его в личину, лицо можно исказить и обрести обличье, лицо можно преобразить в лик.*

При внимательном сравнении обнаруживается, что между западнохристианским и восточнохристианским пониманием личности есть существенная разница. Основной смысловой акцент в понятии «личность» на Западе лежит на поверхности – это то, что воспринимается в человеке в качестве маски, роли, его зримых качеств, социального статуса. В таком смысле слово «персона» употребляется и в русском (особенно юридическом) языке.

Однако христианский Восток в понятии «личность» акцентирует идею глубины. В русском языке *лик* – это не столько сочетание красок и форм, сколько внутреннее

¹ Этимологический словарь русского языка. Вып. 9: Л / Под общ. ред. А.Ф. Журавлёва и Н.М. Шанского. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 99.

² Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Вып. 15. М.: Наука, 1988. С. 77.

содержание, которое просвечивает сквозь внешние формы. Эта разница в понимании значения слова «личность» находит отражение и в антропологической практике.

«Поверхностность» понимания личности в западнохристианской традиции обуславливает её стремление «углубиться в себя», т.е. направлена «внутри». И это находит своё выражение в таких часто употребляемых словах с приставкой *само-*, как «самоидентификация», «самоопределение», «самореализация» и т.п., которые пришли и в наш психологический лексикон.

Глубинность понимания личности на христианском Востоке состоит в том, что она из своей глубины направлена «вовне» и находит полноту своего личностного существования лишь в общении с *другими* личностями. Поэтому для восточнохристианского дискурса характерно раскрытие концепции личности в понятиях «личное бытие-общение», «со-бытийность», «любовь», «соборность». В православной традиции считается, что личность наиболее полно выражает себя при условии соборного общения с другими личностями.

К великому сожалению, именно западнохристианское (и религиозное, и философское, и психологическое) толкование феномена «персона» было некритически перенесено в отечественные системы гуманитарных представлений о личности. А в советскую эпоху подобное представление было мощно подтверждено и укоренено ещё и марксистско-ленинской идеологией: ***личность – это носитель индивидуально-типических свойств и субъект общественных отношений.*** Отметим здесь, что сведение личности человека к его субъектности в системе социальных отношений, конечно же, абсурдно с точки зрения восточнохристианской традиции. Так, аскет, удалившийся от мира и порвавший все социальные связи, находится в наиболее полном **личностном общении** с Личным Богом.

Надо *достаточно твёрдо и определённо* сказать, что именно **христианство** – та среда, которая выпестовала, буквально взрастила в европейской культуре, в человеческом сознании само понятие «**Личность**» (в разных его смыслах и оттенках смыслов) постольку, поскольку оно является **религией Личного Бога**, к Которому человек призван прийти **лично**, а не заочно и не впотьмах. Прийти, и уверовать, и предстоять Ему, и держать перед Ним ответ. *Бог имеет личностное бытие и человека сотворил как личность (тварную ипостась) по образу Своему.*

В человеческой реальности нет ничего, что не подлежало бы религиозному осмыслению и освящению. Относительно такого осмысления все другие точки зрения на человека в своей отдельности и специфике (научная, этическая, эстетическая, прагматическая и др.) имеют, может быть и важный, но частичный, служебный, а в своих претензиях на всеобщность и неистинный характер.

Однако, по словам прот. Александра Шмемана, требуемая полнота и целокупность человеческой реальности может быть понята только в триединой интуиции Священного Писания и Священного Предания о бытии человека: его **творения** (происхождения), его **падения** (деградации) и его **спасения** (богоуподобления). Причём необходимо говорить о всех этих трёх событиях как о реальных, и сегодня продолжающихся в индивидуальной жизни каждого из нас.

Повреждение богочеловеческой природы человека в раю, её раздробление и разделение между индивидами, впервые начинается с момента падения, причём падения столь сокрушительного, масштабного и глубокого, что собственными (можно было бы сказать, человеческими, «психологическими») силами не мог ветхий Адам восстановиться в своей первозданности.

В духовно-нравственной жизни человека-Адама от древа познания добра и зла пошли как бы два пути. И оба

завершались тем, что человек *не выбирал* между добрым и злым: **он влёкся либо к тому, либо к другому непосредственно**. Этот момент особенно важно подчеркнуть: до прихода Спасителя в мир не было в природе ветхозаветного человека такой душевной силы и способности, как **выбор**, было лишь *влечение* либо к одному, либо к другому.

Вообще надо сказать, что первым «плодом» первородного греха человека стало **смешение его поименованной ипостасности (Адам, Ева, Каин, Авель...)** и его природы с её довлеющими силами: *желаниями и хотениями, влечениями и вожделениями*, перед которыми наши ветхозаветные предки оказывались немощны и беспомощны. Кто-то из святых заметил, что внутреннее существо грехопадения первых людей было в том, что «не успев стать людьми, они захотели стать богами». А герои произведений Ф.М. Достоевского (можно сказать, наши современники), достигшие полноты самосознания были убеждены, что **хотенье** есть центральное проявление всей человеческой жизни, оно самое глубинное и последнее её основание. Оно может привести к святости и преступлению, к жизнелюбию и самоубийству.

Не заставила себя ждать и первая катастрофа немощи, «лжебожества» Адама уже за пределами рая. Она обнаружила себя в сыне-первенце его, в братоубийце Каине, который не смог, а точнее, *не захотел* «отринуть влечение к лукавому». «И сказал Господь Бог Каину: почему ты стал так опечален? И почему испал лицом? Если ты правильно принёс [жертву], но правильно не разделил [её], разве ты не согрешил? Умолчи. К тебе обращение его [диавола], и ты начальствуй над ним» (Быт. 4: 6-7, греч. перевод). Так вошли в священную историю отношений человека с Богом «путь Каина» (Иуд. 1: 11) и «дух Каи-

на»³. И имя Каина навсегда станет символом богоотступничества и богоборчества, а *рас-каинье*⁴ – символом примирения с Господом и мольбой о милости Его.

Уже 2000 лет с момента прихода Спасителя в этот мир мы живём в *спасительные времена*. **Иисус Христос – первая явленная Личность в земной человеческой истории**, Которая открыла человеку, всему миру ранее немыслимое – возможность слова, действия, поступка не от рода, не от племени, а прежде всего, **от первого лица**. Прямая встреча человека с Господом Иисусом Христом открыла ему, что впервые, он сам, можно сказать, **лично** встал перед проблемой, а точнее – перед *выбором: «быть или не быть... образом Божиим?»*.

По сути именно теперь Богом данная *человеческая реальность* (есмы!) открылась перед человеком как реальность его **«Я»**, как его *«самое само»*. С одной стороны, как тот *источник* его личного слова, а с другой, как тот *адресат*, к которому можно лично обратиться. Призвав каждого из нас *лично* ко спасению, Господь сказал: **«Я есмь путь и истина и жизнь»** (Ин. 14: 6). *И ты, человек, волен выбрать (или не заметить), встать (или не встать) на этот Путь, возлюбить (или возненавидеть) Истину и обрести (или отринуть) Жизнь вечную*.

Фактически здесь, на мой взгляд, главный и первый проблемный узел всей жизни человека: **быть или не быть образом Божиим, выбрать или отринуть личностный способ бытия**.

В момент сотворения человека как Вселенском событии ещё **не стоял вопрос** о его индивидуальности, субъ-

³ Подробнее см.: Авдеенко Е.А. Тема «Каин» в современном мире. М.: Классис, 2014.

⁴ «Общеславянское слово, имеющее индоевропейскую основу (в древнеиндийском находим *kaayate* – «мстить»). Древнерусское *каяти* первоначально имело значение «наказывать». Любопытно, как переосмысляет это слово народная этимология, выводя его из имени библейского персонажа Каина – первоубийцы» (Этимологический онлайн-словарь русского языка Г.А. Крылова // <https://krylov.lexicography.online/к/каяться>).

ектности, индивидуальности, даже о его личности. Адам был сотворён **целокупным человеком по Образу Божию**, и был дан ему **всеобщий способ его бытия – прямое Богообщение**. Только после катастрофического падения впервые встал вопрос о его теперь уже **собственном** способе бытия – либо с Богом, либо без Него. Так, жертва Авеля была Богу и ради Бога, жертва Каина была ради самого себя и для себя, и потому не была принята.

По сути, здесь, в этой точке после грехопадения Адама появилась **особая ипостась** человеческой реальности по имени **самость**. И именно здесь впервые появилась первая **развилка** в путях человеческих: **путь к Вышнему и путь к ближнему**, **путь личности** и **путь самости** (как путь к самому себе), а в наше время – путь «вне и около», **путь в никуда** – в ожидание «естественной» смерти. Ситуация прямо-таки из известной русской сказки, когда богатырь оказался перед камнем с назначением точного смысла пути: направо пойдешь..., налево пойдешь..., прямо пойдешь. Выбирай!

Хотел бы особо подчеркнуть ключевой смысл этой развилки. Так, для личности, для *личностного способа бытия человека всегда нужен Другой*; для самости – всегда нужен *такой же*, среди которых нужно постоянно «само-разбираться». Должен напомнить, что как раз в этой точке, в этой развилке живут бесконечно любимые современной психологией и педагогикой сущности с корнем «само-»: **самоопределение, самоактуализация, самореализация, самоутверждение**. И живут они **среди таких же самостей...** и несть числа этим «самостям» с их бесконечными хотеньями-похотями.

С момента Откровения собственно личностного способа бытия человека и возможности выбора того или иного способа обнаружилась **трагичность самости** человека. Суть её в том, что *самость есть средство* духовного восхождения, тот адресат, к которому можно лично

обратиться. Она же, субъективность (самость) в своих хотениях и вожделениях есть *тотальная преграда* этому восхождению.

Справиться с этой трагичностью возможно лишь при кардинальном преодолении (преображении) собственной самости (природы), вплоть до тотального, окончательного отказа от неё в этом восхождении (например, в юродстве). Чтобы однажды оказалось возможным сказать вслед за Святым апостолом Павлом: «И уже не я живу, но живёт во мне Христос» (Гал. 2: 20). Давайте только задумаемся с житейской точки зрения: кто это говорит от первого лица, что живет уже не он? Человек! Павел! «Иудеям соблазн, эллинам – безумие!» (1 Кор. 1: 22).

Но сегодня мы живём также и в *апостасийные времена*. И человек **волен не встать** на путь ко спасению, на путь ко Христу. Он может *выбрать и другой путь по своему хотению*. Он может хотеть вопреки законам природы, вопреки законам рассудка, вопреки своей совести, вопреки своей выгоде, вопреки очевидности. **Такова сила хотенья, такова свобода человека**. И если в Каине властвовало *влечение к самости*, то перед Иудой Искарриотом был **выбор**: «*быть или не быть... личностью пред Богом?*».

Однако, как в мире человеческой и ангельской свободы есть неизменный ориентир, относительно которого определяется конечное состояние духа (где верх, где низ, где Бог, где диавол), так и в мире человеческой истории, которая протекает на земле, есть путеводные указатели: *пойдёшь в одну сторону – там Христос, пойдёшь в противоположную – там «Каин»*. «*Будете как боги*», – говорил сатана. «*Будьте как дети!*» – призывает нас Христос. Или, говоря словами Святого апостола Павла: «*Братия! Не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни*» (1 Кор. 14: 2).

По словам блаженного Августина, вся нравственность человека располагается между двумя полюсами: «любовь к Богу до презрения к себе; <...> любовь к себе до презрения к Богу» (*S. Augustinus. De Civitate Dei, XIV, 28*)⁵. Подобная располюсовка очевидна в ситуации богоотступничества; в ситуации же богоборчества – «любовь к себе до презрения к Богу». Меж этими полюсами «в мерцательной аритмии» находится человек: он не стоит, но движется, а чаще – **мечется** в своих хотеньях и вожделениях.

И сегодня это *третий, вне- и околичностный* путь, по которому, к сожалению, в массе своей движутся люди. Это тот путь, по которому движется, говоря словами А.П. Чехова, «эпизодический»⁶ человек, который эпизодически вожделеет себя и эпизодически выбирает себя, даже в критических ситуациях.

Слишком силён в нас «ветхий» человек; мы редко и с великим трудом *выбираем Путь*, а чаще – *влечёмся в самость*. Я называю этот третий, квазиличностный путь, путь метаний – **путём Хама**, который в библейские времена начался со *святотатства* (буквально – с воровства святыни, тать – это вор), с *десакрализации* Отцовства (насмешки над отцом – Ноем), с *отказа* от Сыновства (блудный сын). И в наши дни он обнаруживает себя в *прямой наглости* (в попрании всякой иерархии), в *хохмачестве и пошлости* (ничего святого), в *хулиганстве* (в разрушении всяких норм и правил).

Путь мечущихся – путь всякого, кто захочет занять позицию срединную (никакую) – религиозно индифферентную (толерантную), *не выражая* себя определённо, чтобы *не говорить* ни «да», ни «нет». Это фактически «коматозное» состояние. «Знаю твои дела: ты не холоден,

⁵ Блаженный Августин. О граде Божиим. в 4 т. Т. 3. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. С. 195.

⁶ Цит. по: *Соболев Ю.* Чехов. М.: Журнально-газетное объединение, 1934. (Жизнь замечательных людей. Вып. XV-XVI). С. 16

не горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3: 15-16). Те, кто никак не обращены к делам Господним, могут быть и злодеями, и религиозно индифферентными. Они оказываются в одном положении: и демонизированные, и толерантные стоят противно Богу. А на среднего человека бес не нападёт, он и так живёт в нём (Ж. Бернанос).

Итак, **Личность – это не отдельная особь со своими мистико-мифическими свойствами, это Человек, принцип (способ) бытия которого всегда исходит «от первого лица».** В соответствии с этим принципом человек с момента Пришествия Спасителя и по сей день, и до окончания времён оказывается освобождённым от оккупации *первородным грехом* (в крещении), от власти *непосредственных влечений* (в покаянии) и получившим дар и право выбора Пути. А вот, какой образ собственно человеческого приобретёт человек на этом пути, *зависит от его личного выбора.*

Это либо **Путь богоуподобления ко Христу: от желания к устремлению и уподоблению** Личности вочеловечившегося Спасителя.

Либо **Путь Каина** как путь богоотступничества и богоборчества: от *хотения* к *влечению* и *вожделению собственной самости* и тотальному утверждению только её.

Либо толерантно-индифферентный **путь Хама** – путь *эпизодических вожделений и эпизодических выборов, без-образный* путь в никуда.

Именно на высоте такого понимания человеческой реальности возникает, а если не возникает, то должен быть поставлен самый главный вопрос психологии и педагогики личности, психологии образования собственно человеческого в человеке: **как возможно, как происходит в свете Благой Вести «вочеловечивание челове-**

ка»? При каких условиях, когда и на что опирается он сам в себе самом, когда выбирает тот или иной путь (способ) бытия своего как личности перед Богом, перед другими, перед собой?

В истории учений о человеке можно ясно проследить прямое и непрерывное **нисхождение** от христианской антропологии к бесчисленным и раздробленным вариантам акцентно-региональных антропологий: философской, социальной, медицинской, политической, педагогической и т.д. и т.п. Это означает, что подлинным пространством постановки и обсуждения проблемы личности должно быть не многообразие биосоциальных, психофизических, психосоциальных, социокультурных феноменов отдельного индивида, а **человеческая реальность во всей своей целокупности**. Именно поэтому последовательность исследовательских задач проблемы личности должна видеться как система переходов *от богословия личности к антропологии личности* и только затем *к психологии личности*, а в завершение к собственно **антропопрактике – практике вочеловечивания человека**, и по сути, *к педагогике личности*.

Дар быть личностью – неотменим, неотторжим от человека изначально, в любом его состоянии. Но как и когда этот дар становится *явленным*? При каких условиях обретает свою *векторальность*? В каком *Образе подобия* этот дар оформляется в интервале индивидуальной жизни человека? На все эти вопросы и призваны отвечать христиански ориентированные психология и педагогика развития и образования человека.

Но здесь очередная *развилка*: либо христиански ориентированные **психология и педагогика личности** человека, готовые и способные приступить к решению именно этих задач, либо безрелигиозно-гуманистическая **психология и педагогика самости** отдельного индивида, отдельной особи. И практика **психологии и педагогиче-**

ки самости воплощается сегодня во множестве направлений *психотерапии раздроблено-болезненной природы* падшего человека, в воспитательной практике *примирения* его с этой природой, в *адаптации* его к наличным обстоятельствам *уже случившейся жизни*.

Именно в этой точке бифуркации, в этой развилке должен происходить *принципиальный выбор* современного психолого-педагогического знания и практики: либо изучать и обустроивать Пути **вочеловечивания человека** в его царственном достоинстве, либо накапливать знания о путях и технологиях **его социализации**, а в пределе – **его расчеловечивания**. Кстати, второй путь уже интенсивно осуществляется через *цифроманию*, через *новые компетенции для нового века*, через *трансгуманистические форсайт-проекты «Детство-2030» и «Образование-2030»*, осуществляемые как раз на базе НБИКС-технологий.